Мастера и мастеровые люди Казанского адмиралтейства

Казанское адмиралтейство являлось одним из самых крупных предприятий Казани. На его верфях строились корабли для российского флота, составлявшие основу военно-морской мощи страны.

Работный люд* Казанского адмиралтейства был неоднороден по своему составу. На предприятии трудилось большое количество мастеров, подмастерьев, учеников и мастеровых людей разных профессий. Согласно «Описанию домов, принадлежащих владельцам города Казани, 1796»[1], в их числе были плотники, пильщики, кузнецы и т. д.

В литературе и источниках упоминается, по крайней мере, более 30 наименований профессий жителей слободы и работников верфи. Это корабельные мастера, провиантмейстеры, капитаны, писари, солдаты, матросы, кожевники, лесные надзиратели, плотники, столяры, токари, кузнецы, резчики, толмачи (переводчики), рассыльные, караульные начальники, литейщики, браковщики, тялочные мастера, мясосольные мастера, кормщики, водолеи, конопатчики, бочары и др.

Особую группу адмиралтейских чинов составляли корабельные мастера, в основном это были иностранцы. Петр I, оценивая их огромную роль и их постоянную нехватку в России, состоял с ними в личной переписке. Положение корабельных мастеров в России определялось контрактами, которые устанавливали размер жалованья, срок службы, обязательство обучать русских учеников и свободное возвращение на родину по окончании срока службы. Русские, выучившись у иностранцев новому делу, посылались с предприятий, где они состояли учениками, на другие верфи уже в качестве мастеров-специалистов.

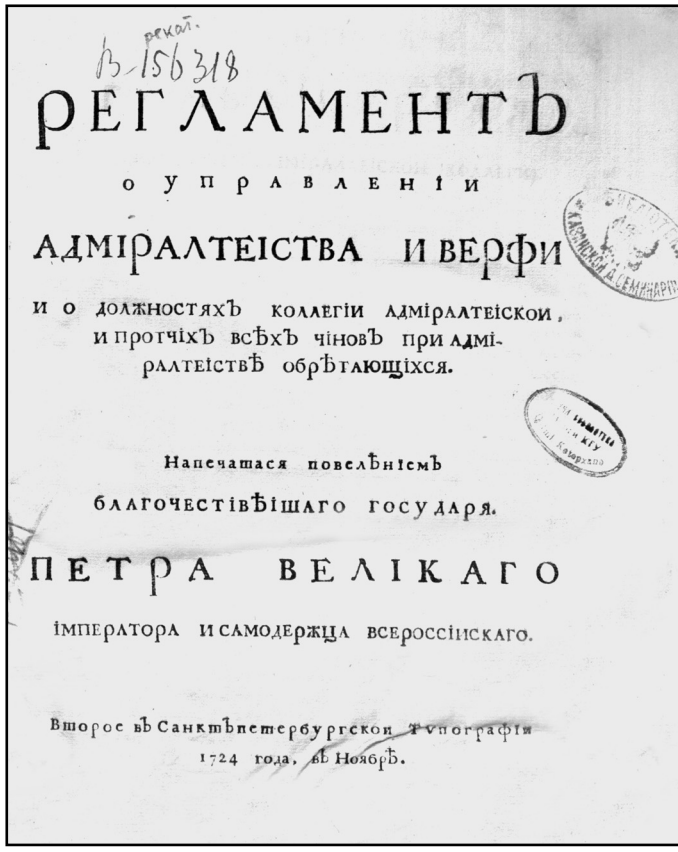
На верфях Казанского адмиралтейства трудились как иностранные мастера — Броун, Гордлий, Рамьза, Вильям Брынк, подмастерье Гардль и другие, так и русские, ценившиеся на вес золота, — Феодосий Скляев, считавшийся лучшим русским кораблестроителем, Травин, Русков, который «боуты на концах умел так скоро зашурупливать, что десять изготовлял так скоро, как проговорит “Отче наш”…»[2].

Следующими после мастеров шли мастеровые люди. Вся их жизнь на строительстве флота протекала по-военному, под неусыпным наблюдением начальства, которому предписывалось «не делать воли им ни в чем».

Основные обязанности мастеровых были определены в 12-й главе Адмиралтейского регламента[3], но отступления от его положений были слишком частыми. Так, почти не выполнялась 29-я статья, предпи-

* Работный люд — люди, при переписи записанные как «работной человек», «кормящийся черною работою» или «работою своею».

сывавшая использовать по возможности машины, воду каналов и лошадей для подъема и переноски тяжестей. Зачастую все выполнялось вручную. Статья 40-я предписывала делать представления на хороших и плохих работников. Хороших полагалось «за тщение или повысить чином, или прибавкою жалованья, или иным каким награждением, по человеку и делу смотря», плохих — наказывать. Наказывали за каждый, даже самый малый проступок, поощряли крайне редко.


рекат.
В-156318

РЕГЛАМЕНТЪ

о управленіи

АДМІРАЛТЕІСТВА И ВЕРФИ

и о должностяхъ коллегіи адміралтеіской, и протчіхъ всѣхъ чіновъ при адміралтеіствѣ обрѣтающіхся.

Напечатася повелѣніемъ

благочестівѣішаго государя.

ПЕТРА ВЕЛІКАГО

імператора и самодержца всероссіискаго.

Второе въ Санктъпетербургской Тѵпографіи

1724 года, въ Ноябрѣ.

Титульный лист Адмиралтейского регламента 1724 г. Регламент об управлении Адмиралтейства и верфи и должностях Коллегии адмиралтейской и прочих всех чинов, при Адмиралтействе обретающихся. – СПб., 1724. (Из фондов ОРРК НБЛ КГУ).

По окончании работ мастеровых и работных людей, работавших на кораблях и в работных избах, запрещалось выпускать «по воде», то есть через каналы. Они должны были выходить через ворота, у которых стоял караул. Регламент строго запрещал уносить что-либо домой. Самим мастеровым приходилось периодически оставаться ночевать на рабочем месте «для караулу». Даже за получасовое отсутствие на рабочем месте строго взыскивалось.

Не только на работе, но зачастую и дома мастеровые находились под контролем. Вот как один из историков описывает частную жизнь петербургского мастерового: «Строго запрещалось без разрешения отлучаться из слободы, пускать на ночлег посторонних. Ходить друг к другу в гости можно было только в определенное время. Собираться могли только в церкви или в кабаке»[4].

Дети мастеровых также были прикреплены к Адмиралтейству. Специальным постановлением Адмиралтейской коллегии предписывалось детей мастеровых, не достигших 16-летнего возраста, направлять в адмиралтейские цифирные школы. Те, кто был старше, должны были трудиться вместе со своими отцами, за что получали жалованье.

Работали на Адмиралтействе до полной потери трудоспособности, в среднем до 50-55 лет. Регламент предписывал в случае смерти кормильца выплачивать вдовам и малолетним сиротам «заслуженное им» жалованье, а затем «отпустить». В случае болезни средства на лечение в адмиралтейском госпитале составлялись за счет вычетов из жалованья всех адмиралтейских служителей.

Раздача жалованья должна была производиться три раза в год и предваряться построением и смотром всех мастеровых. За неявку на смотр из жалованья вычитали месячный оклад[5].

Судя по сумме жалованья, самыми востребованными и высокооплачиваемыми были записные* резчики по дереву: они получали 27 руб. 30 алтын в год. Далее шли записные токари и столяры — 23 руб. и записные рядовые мастеровые — не более

* Все служащие Адмиралтейства были занесены в специальную книгу, отсюда — «записные». «Незаписными» назывались временные рабочие и дети мастеровых, работающих на производстве.

14 руб. в год. Незаписные этих же специальностей получали 12-18 руб. Такие же оклады имели плотничьи, конопатные, кузнечные, прядильные, парусные и бочарные десятники. Для сравнения отметим, что в 1710 г. «главнейший корабельный мастер Петр Михайлов» получал 1 200 руб. в год, мастер Ф. Скляев — 800. Иностранец Броун, приехавший в Россию в 1705 г., получал первоначально 120 руб.

Мастера других специальностей имели гораздо меньшие оклады — от 84 до 360 руб. в год[6]. Вместе с тем мастеровые Адмиралтейства по сравнению со специалистами других предприятий получали более высокое жалованье[7].

Мастеровые люди в большинстве своем были исполнителями предписаний свыше. Мало кому среди них удавалось повысить свой социальный статус. И все же исключения из правила были. В качестве примера может служить судьба Захара Климова, который с 1711 по 1715 г. работал незаписным плотником, затем в течение восьми лет — десятником, а потом — командором. По донесению корабельного мастера Г. Меншикова, он мог составлять чертежи пятидесяти- и шестидесятипушечных кораблей. Указом от 16 января 1724 г. З. Климов был пожалован в подмастерья.

Каждый мастер согласно «Регламенту…» должен был иметь двух подмастерьев и трех учеников. По возрасту ими могли быть и несовершеннолетние, и взрослые люди. Учеников запрещалось принимать самостоятельно, без разрешения начальства. Все корабельные и «прочих художеств мастера» должны были «учеников, данных им, со всяким прилежанием учить, не скрывая ничего, понеже за то им определено награждение, и которые ученики тщательно будут приниматься или нет, о том мастерам подавать ведомости… под опасением ответа за оное»[8]. Путь из учеников в подмастерья и из подмастерьев в мастера был очень долгим и порой неодолимым.

К работам в Адмиралтействе ввиду тяжелых условий труда стремились привлекать «людей молодых». Иногда это прямо оговаривалось в письмах Петра I в Казанское адмиралтейство: «…чтоб оные плотники, и кузнецы, и пильщики выбраны были по его вице-губернатора свидетельству… и люди б были не старые…».

Рабочий день на предприятиях длился не менее 16 часов, фактическое рабочее время составляло не менее 14 часов[9]. По указу от 20 мая 1708 г. в период с 25 марта по 15 сентября продолжительность рабочего дня устанавливалась с пяти утра до вечерней темноты с перерывами с 11 до 13 часов и с 19 до 19.30. В период с 15 сентября по 25 марта полагался только один перерыв с 12 до 12.30. Необходимо учесть, что младшие должны были приходить раньше старших и все готовить к работе: мастеровые раньше мастеров и подмастерьев, а те, в свою очередь, раньше мастеров.

В Санкт-Петербургском адмиралтействе о начале и конце работы возвещала пушечная стрельба, в Казанском — удары в колокол*. Они производились по усмотрению администрации, которая сама решала, достаточно ли светло или темно, чтобы начинать или заканчивать работу.

Адмиралтейский регламент несколько облегчил положение. Был установлен период, когда работы не производились: «Во время мира, или когда нужного дела нет, всем мастеровым с 10 ноября по 10 января не работать, а на те дни работных денег не давать»[10]. Кроме того, увеличивалось время зимнего обеденного перерыва. Но в военное время работа не прекращалась даже в праздники.

Большинство мастеровых и плотников были выходцами из помещичьих и монастырских крестьян. Работая в Адмиралтействе, они становились крепостными государства. Адмиралтейство фактически являлось самым настоящим крепостным предприятием, лишь в самых исключительных случаях использовавшим наемный труд.

Помимо своих обычных обязанностей, корабельные мастеровые люди должны были по первому распоряжению администрации исполнять другую, не менее тяжелую повинность. Речь идет о приписных работах. Мастеровых людей отправляли на строительство городов и кораблестроительные работы в другие губернии.

Сбор мастеровых распространялся на все губернии. Мастеровые находились на работах по несколько месяцев, однако зачастую петербургские власти запрашивали их «на вечное житье с женами и детьми». Дело в том, что для кораблестроения требовался стабильный контингент людей, способных выполнять квалифицированную работу и проживающих вблизи места своей деятельности.

* Колокольная башня располагалась под воротами Адмиралтейства.

Самыми востребованными специалистами Казанского адмиралтейства были каменщики — 295 человек, затем плотники — 264, кузнецы — 50, кирпичники — 13, корабельные мастера и ученики — 10, а также столяры, резчики, токари. Так, в 1710 г. в Петербург из Казанской губернии на постоянное место работы было отправлено 667 человек[11]. Предполагалось дополнительно из других мест взять значительное число мастеровых. Общее их число должно было составить 4 750 человек, в том числе 200 кузнецов. Осенью 1711 г. — зимой 1712 г. при Петербургском адмиралтействе трудилось 1 465 мастеровых, присланных сюда на постоянное жительство, и 1 081 работный человек, присланный на установленный срок[12].

Бывали случаи, когда из губернии отправлялись и дети. Так, в 1710 г. Петр I просил Казанского губернатора П. М. Апраксина прислать в Москву «маленьких калмыченков — мальчиков и девочек, пар 10». Можно предположить, что требовались они либо для выполнения работы, не требующей больших физических усилий, либо для обучения какому-либо ремеслу.

Как же обстояли дела тех, кто попадал в Петербург? Разумеется, на столь продолжительное время для работных людей требовались жилье, продовольствие, одежда и инструменты. По указу Петра I каждого переселенца должны были обеспечить казенным жильем, хотя бы одной избой на две семьи. Однако в реальности все было по-другому: большинство вынуждено было полагаться только на себя[13]. Многие работники ютились в землянках и шалашах.

О продовольствии в указах говорилось: «А хлеба и запасу тем работным людям взять с собою… а больше того хлебных запасов не иметь для того, что в Петербурге дано будет им Его величеством государем хлебное жалование и денег по полтине на месяц каждому». Высылаемым полагалось на содержание 12 руб. в год, да «на хлеб» 10 руб. Но бывало, что деньги так и не попадали в руки переселенцу[14].

Что касается одежды и инструментов, то работники должны были обеспечивать ими себя сами. Так, плотникам в Петербург надлежало являться «с плотничьими снастями, с топорами; а у всякого б десятника было по долоту, по бураву... по скобели».

В Казанском адмиралтействе из-за нехватки работников также прибегали к найму людей «со стороны». Например, в 1717 г. в Казань были присланы из Петербурга «зело изрядные кузнецы».

Но работы по заготовке и отправке леса наемными людьми обходились для казны дорого. Поэтому повелено было в 1718 г. для таких работ в Казанской губернии брать служилых мурз, татар, чуваш и мордву без всякой платы, освободив их от обязательных работ в Петергофе, куда они высылались по требованию правительства. С неправославных, живших далеко от лесных дач, предписано было собирать деньги для найма вольных работников.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. НА РТ, ф. 114, оп. 1, д. 2, л. 24-74.
2. Собрание собственноручных писем государя Петра Великого к Апраксиным. – М., 1811. – Т. I. – Ч. 1. – С. 159.
3. Регламент об управлении Адмиралтейства и верфи и о должностях Коллегии адмиралтейской и прочих всех чинов, при Адмиралтействе обретающихся. – СПб., 1724. – Гл. 12. – Ст. 37.
4. Колобов Б. В. Строители Балтийского корабельного флота — первые жители Санкт-Петербурга. (Мастера и мастеровые люди Санкт-Петербургского адмиралтейства) // Город и горожане России в XVI — 1 половине XIX в. – М., 1991. – С. 124.
5. Регламент об управлении Адмиралтейства… – Гл. 12. – Ст. 36.
6. Колобов Б. В. Указ. соч. – С. 125-126, 129.
7. Там же. – С. 125.
8. Регламент об управлении Адмиралтейства… – Гл. 5. – Ст. 4; Гл. 43. – Ст. 2.
9. Столпянский П. Н. Жизнь и быт петербургской фабрики за 210 лет ее существования. 1704-1914. – Л., 1925. – С. 47-48.
10. Регламент об управлении Адмиралтейства… – Гл. 12. – Ст. 32.
11. Собрание собственноручных писем… – Т. I. – Ч. 1. – С. 99.
12. Колобов Б. В. Указ. соч. – С. 118.
13. Там же. – С. 120.
14. Там же.

Юлия Мансурова,
аспирантка КГУ